

Эмма Рудкевич

ИЗГНАННИЦА
АКАДЕМИИ.

НЕКРОМАНТ ЗНАЕТ
МОЮ ТАЙНУ!

Эмма Рудкевич

**Изгнанница академии.
Некромант знает мою тайну!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Изгнанница академии. Некромант знает мою тайну! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

На выпускном экзамене меня обвинили в краже заклинания. Вместо диплома вручили ведро и приказали мыть полы элитного общежития. — Знай своё место, служанка! — усмехнулся жестокий староста Максим Дорн. Он не подозревает: я слышу ложь. Каждую фальшивую клятву, каждую поддельную магическую формулу. А ещё я нашла доказательство, что академия украла открытие моей матери. И что сама я — результат запрещённого эксперимента. Помочь мне согласился Артём, некромант, который тоже скрывает опасную тайну. Теперь мне предстоит разоблачить ректора перед всей академией. Но за правду придётся заплатить самым дорогим: своим даром. Стоит ли свобода такой цены, если рядом впервые появился тот, кому я хочу верить?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Изгнанница академии.

Некромант знает мою тайну!

Глава 1

На сцене я никак не могла согреть ступни. В этих туфлях подошвы были толщиной с картон; мрамор тянул из меня тепло, а комиссия ещё совещалась. Я осторожно подвинула носок левой ноги за правый. Пожалуйста, начинайте. Под сводами держался запах озона от предыдущего выступления, смешанный с духами первого ряда. Оттуда же шла фальшь. «Тихий голос» цеплялся за неё, и виски ныли уже до моего первого заклинания. Такой выпускной я себе не заказывала.

Максим Дорн сидел, развалившись в кресле комиссии, и демонстративно зевнул. Его пальцы лениво крутили перо, а на меня он посмотрел лишь после зевка. Будто я задерживала комиссию. За три ночи я довела сад до совершенства — и теперь должна была ждать, пока Дорн соизволит перестать скучать.

Я стиснула челюсти до боли. «Сосредоточься. Только иллюзия».

Подняв руки, я замкнула контур заклинания. Воздух вокруг меня загустел, запахло жасмином — сладко, удушливо, гиперреалистично. Перед глазами публики развернулся сад: лепестки роз падали так медленно, что можно было рассмотреть прожилки, ручей журчал так четко, что хотелось смочить губы. Ни один лепесток не мерцал по краям. Даже ручей отбрасывал блики на мрамор. Наконец получилось именно так, как я задумала.

Я завершила плетение и ждала, что секретарь запишет оценку. Он смотрел мимо меня. В первом ряду кто-то наклонился к соседу, затем Лиза поправила очки. Сад ещё держался за моей спиной. Мне пришлось рассеять его раньше, чем ручей закончил своё журчание.

Лиза Крон, дочь главного спонсора академии, поправила свои очки-артефакты. Световая проекция выскочила над сценой, показывая схему моего заклинания рядом со старинной рукописью из закрытого архива семьи Крон. — Структура энергетического контура идентична, — Лиза говорила в микрофон медленно, давая комиссии рассмотреть проекцию. — Кира Ветрова скопировала запрещенное плетение. Плагиат высшего уровня.

«Тихий голос» заорал внутри черепной коробки. «Ложь! Ложь! Ложь!» На слове «скопировала» меня прострелило над правой бровью. Знакомая боль: так отзывался дар на подделку. Но если я открою рот и скажу правду, они спросят: «Откуда ты знаешь?» А я не могла ответить. Не могла признаться, что различаю ложь в их магии, потому что для системы «Гимна» такой дар считался дефектом, нестабильностью, опасностью.

Ректор наклонился вперёд и подвинул ко мне микрофон. Он ждал, пока я возьму его, хотя Лиза всё ещё держала включённый свой. — Объясните источник энергии вашего заклинания, студентка Ветрова. Почему структура совпадает с семейным кодом Кронов?

Это была ловушка. Сказать правду — значит подтвердить, что я подслушиваю их магию через свой дар. Соврать о происхождении плетения — подставиться под детекторы комиссии. А признаться, что я услышала фальшь в семейной схеме Кронов, — выдать запрещённый дар.

Опустила голову. С этого ракурса комиссия должна была видеть раскаявшуюся воровку. Под рукавами ногти впились в ладони; я прижимала большой палец к самому больному месту, чтобы не сказать чего-нибудь ещё. Четыре года учёбы. Мои четыре года, за которые мама сэкономила даже на лекарствах. А они предлагали мне объяснить, почему дочь Кронов только что солгала, — под её семейными детекторами.

Ректор подождал. Я услышала, как перо Максима стукнуло о подлокотник. Лиза повернула микрофон к секретарю: приготовилась объявлять, словно мой ответ уже был записан.

— Объяснений нет, — сказал ректор.

Секретарь вычеркнул мою фамилию из выпускного списка. Ректор произнёс «исключение» и передал следующую бумагу на подпись. Я смотрела на перо: чернила ещё блестели. Вот и всё, значит? До двери — семь шагов, а возвращаться за дипломом уже некому.

Когда комиссия начала расходиться, Максим подошел ко мне. Он встал так близко, что загородил мне выход. Остальные проходили мимо — разговаривали о чём-то своём, обходили край его мантии. — Твоя мать получила уведомление, Кира, — его губы искривились в усмешке. — Долг за обучение пересчитан с штрафными санкциями. Депортация из города грозит ей через месяц. Если ты хочешь сохранить её жизнь... тебе придется работать.

Он протянул мне бумажку. Не диплом. Приказ о назначении обслуживающим персоналом элитного крыла общежития. — Ты остаешься здесь. Как прислуга. Пока не выплатишь «моральный ущерб репутации» своими руками и своей гордостью.

Пальцы сами потянулись к его рукаву. Хотелось задержать его, заставить повторить про маму громко, при комиссии. Максим поднял локоть — моё касание прошло мимо — и оглянулся на Лизу. Проверил, видела ли она. Я убрала руку под мышку, словно прятала её от холода. Ему ещё и зритель нужен был.

До дверей общежития я дошла, ни разу не подняв головы. Студенты обходили меня стороной, кто-то смеялся за спиной, кто-то отворачивался, боясь запачкаться чужим позором. У лифта пришлось развернуть приколотый мне бейдж: застёжка царапала кожу. На нём уже стояло «Обслуживающий персонал». Бумажку успели напечатать раньше, чем комиссия выслушала меня. Я потёрла угол пальцем, но надпись осталась.

В общежитии меня встретил не Максим, а его приспешник — староста курса некромантии. — Грязь не должна смешиваться с имуществом академии, — рывкнул он, швыряя мои учебники и личные вещи в общий мусор у лифта.

Книги полетели в ведро с объедками. Там лежали мои конспекты, где я ночами учила формулы, чтобы дать матери шанс на новую жизнь. Я молча опустилась на колени. Подняла первую книгу, соскребла кашу с корешка рукавом служебной униформы. Затем вторую. Третью. Третий учебник не влезал под мышку; пришлось прижать его подбородком. Хотя это у них не останется. У колонны стоял Артём Соловей, изгой с некромантии. Он смотрел на книги, потом на меня. Я заранее сжала зубы: только попробуй пожалеть.

К ночи с края ведра слезла краска — я несколько раз задела его щёткой. Под ней выступил ржавый ободок. Каждые десять минут воду нужно было менять. Пол отражал люстры, и я всё путала настоящий потёк с бликом, возвращалась, тёрла заново. От щёлока щипало между пальцами. В учебном расписании на завтра у меня был последний зачёт; теперь хотелось узнать, выдадут ли мне хотя бы перчатки.

Шаги. Каблуки Лизы Крон простучали по мокрому полу, оставляя следы на только что вымытой поверхности. Она даже не посмотрела вниз. Она придерживала подол, переступая через моё ведро. Как через невысокую табуретку. Мне даже не пришлось отодвигаться: Крон аккуратно рассчитала шаг. Я выжала тряпку над ведром. Лиза оставила три тёмных отпечатка. Всего три: она не собиралась портить мне целую смену, просто проверяла, что я вернусь и сотру. Пришлось вернуться. Долг в приказе ещё был действующим.

Дверь уборной скрипнула. Артём вышел оттуда, не сказав ни слова. Он остановился в двух шагах от меня, положил на пол рядом с моим ведром маленький черный камень. Глушил. Артефакт, который блокировал магический шум и позволял использовать дар без риска быть обнаруженным.

Прежде чем взять камень, я вытерла ладонь о фартук. На коже ещё осталось мыло, и он едва не выскользнул. Тёплый. Я зажала его между пальцами — и вдруг перестала слышать

чужую фальшь. Не могла поверить и ослабила хватку. Скрежет вернулся. Сжала снова. У меня вырвался смешок, совершенно глупый, рядом с грязным ведром. Можно было дышать и не ждать следующего удара в виски.

Артём развернулся и ушел в тень коридора, оставив меня одну с моим новым оружием. Я подняла глаза на дверь номера 404, где горел свет — там жили они. Король и королева этой тюрьмы.

Камень остывал в ладони. Я сжала его крепче и посмотрела на ведро: с ним меня пускали туда, куда больше не пускали с зачёткой. Они никогда не смотрели под ноги. Может, зря.

Глава 2

В гостиной элитного крыла от парфюма щипало нос. У пола запах был ещё сильнее: Лиза распылила духи прямо на ковёр. Я стояла на четвереньках, сжимая жёсткую щётку для обуви. Лиза Крон сидела в кресле из бархата цвета крови, скрестив ноги так, что туфелька едва касалась пола.

— Прислуга не имеет права касаться чистых поверхностей инструментами хозяев, — она подвинула туфлю, освобождая мне следующий участок пола. — Ты же не хочешь испортить мне настроение?

— У нас есть шва...

Договорить не получилось. Лиза подняла палец. Мне словно зажали рот изнутри: язык шевелился, воздух выходил, звука не было. Я попробовала ещё раз, уже без слов, и она довольно посмотрела на меня поверх бокала. Спор закончен. Можно продолжать уборку.

Щётка была для обуви: узкая, с короткой щетиной. Одной такой я бы до рассвета вычистила половину гостиной. После третьего движения большой палец начал скользить по ручке; я перехватила её и задела содранную кожу. На столе лежала Лизина маска. Очень хотелось швырнуть эту щётку прямо в неё — чтобы хоть что-то здесь перестало быть красивым. Я подвинула колени к следующей доске. Мамин адрес у них тоже был.

Максим вошёл без стука и остановился в дверях. Когда я подняла голову, он уже стоял со скрещёнными руками, мешая выйти. Похоже, представление было для двоих. Я опустила щётку обратно на доску, только крепче прижала локти к бокам.

Лиза хихикнула, демонстративно поднимая бокал с красным вином. — Смотри, Дорн, как она старается. Это же смешно. Настоящая мышка.

Она «случайно» тряхнула рукой. Темное пятно вина расплылось по уже вымытому участку пола, прямо перед моими коленями. Жидкость потекла в щели между досками, въедаясь в древесину.

— Начни заново, — приказала Лиза.

Максим приблизился, пока Лиза смотрела на вино. Я хотела дотянуться до края пятна, переставила колено и каблуком задела его ботинок. Почувствовала это раньше, чем увидела: нога упёрлась в чужой носок. Я замерла со щёткой в руке. Он даже не убрал ногу. Подождал, пока Лиза заметит.

Лиза отставила бокал. Очень аккуратно, на подставку. Я ещё успела подумать: лишь бы опять не вылила.

— Извинись, — процедила Лиза. — Поцелуй ботинок. Чтобы смыть грязь.

Мое сердце колотилось где-то в горле. Я посмотрела на Максима. Он не отвел взгляд. В его глазах читалось ожидание. Он чуть подвинул ботинок ближе к моему лицу. Дорн хотел, чтобы я наклонилась сама. Ни щётка, ни вино ему уже не были интересны.

Я медленно выпрямилась. Колени ныли, ладони были черными от пыли и вина. Я достала платок из кармана фартука, аккуратно вытерла пятно со своего колена, игнорируя команду. Затем вернулась к работе. Ни слова. Ни взгляда вниз. Только действие.

Максим моргнул. Раздражение пробежало по его лицу, тонкой линией между бровями. — Лиза, оставь нас, — тихо сказал он. Его голос был низким, без интонаций. Королевский приказ.

Лиза вышла, хлопнув дверью. Её барьер ослаб; я наконец смогла вдохнуть полной грудью. Мы остались вдвоем.

Он подошел ближе, нависая надо мной. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и табак. Запах щекотал нос, но я сдержала кашель: он решил бы, что я опять пытаюсь возразить.

— Почему ты так упряма, Кира? — спросил он. Не громко. Почти ласково. — Твоя мать... она ведь тоже была упрямой. Знаешь, что случилось с теми, кто не слушал систему?

Глушилка Артёма лежала в моем внутреннем кармане, прижатая к ребрам. Холодный камень остудил кожу. Я активировала её усилием воли. Чужая магия перестала скрести по вискам. Сердце ещё колотилось, но теперь я могла считать удары — и дышать между ними.

Я подняла голову, разжала челюсти и заставила себя посмотреть на переносицу Дорна. Если смотреть в глаза, он увидит слишком много. — Я выполняю работу, староста, — произнесла я ровным, механическим тоном. — Прошу указания. Дальше или закончить?

Он выдержал паузу. Я тоже. Обычно после имени матери мне приходилось хватать воздух ртом, а теперь я смогла спросить, закончена ли уборка. Его пальцы разжались, снова сжались. Дорн посмотрел на щётку, на часы и лишь потом выдал следующий приказ.

— Кофе, — бросил он резко. — Ровно 65 градусов. Если ошибешься хотя бы на градус, оболую тебя кипятком. Понятно?

Я кивнула. Встала. Ноги гудели.

На кухне я включила магический нагреватель. Часы тикали. Я следила за цифрами на нагревателе, пока над чашкой поднимался пар. Ручку чашки я придерживала краем фартука: натёртые пальцы ныли, а уронить её я не могла. 60... 62... 64... Я сняла чашку ровно на 65.

Вернувшись в гостиную, я поставила кофе на стол перед ним. Максим взял чашку, сделал глоток. Его лицо исказилось в гримасе отвращения. — Слишком горячо, — соврал он.

Он наклонил чашку. Жидкость плеснула на стол и на мою правую руку. Боль была острой, белой вспышкой. Ожог мгновенно покраснел, кожа натянулась. Я вскрикнула внутри себя, но губы сомкнулись.

Салфетка прилипла к мокрой ладони. Я промокнула кожу, стараясь не тереть ожог, и подняла глаза на Дорна. Больно было так, что дрожал подбородок. Пусть видит. Крика он не получит.

Он усмехнулся и отодвинул чашку. Несколько секунд смотрел на мою руку, будто собирався уточнить, почему я ещё здесь. Я свернула салфетку мокрой стороной внутрь. Больше у нас с ним разговаривать было не о чем.

Дверь снова открылась. Лиза вернулась с двумя подругами из курса иллюзий. Они хохотали, доставая телефоны. — Ой, смотрите, какая драма! — визгливо протянула одна из них, тыкая камерой мне в лицо. — Бедняжка, даже кожа плохая. Смотри, какой красный!

Одна из подруг, Настя, протянула палец и ткнула в ожог на тыльной стороне моей ладони. Боль ударила в виски.

И тут глушилка дала сбой. От резкого физического контакта и всплеска эмоций артефакт треснул, выпуская энергию наружу. Мой дар рванул вперед, сметая преграды. Настя отдернула палец, но перед этим я успела услышать её страх — впервые так ясно, без произнесённых слов. В нём было имя Лизы и отчаянное желание ей угодить. Настя тут же посмотрела на подругу: достаточно жестоко? Можно остаться рядом?

Настя засмеялась лишь после Лизы. Вот как они держались вместе. Каждая ждала, кого разрешат укусить следующей.

Дорн придвинулся. Я отражалась в его зрачках, а над моим плечом дрожал воздух — как над нагревателем. Он увидел это тоже: убрал чашку ещё дальше, освобождая себе место на столе.

Он резко схватил меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. Его пальцы впивались в кожу. — Что ты услышала? — прошипел он, наклоняясь к моему уху.

Я попыталась улыбнуться. Под его пальцами это вышло криво, рот болел, но Максим всё-таки подался назад. Что-то я могу отнять и у него. Хотя бы эту уверенность, с которой он подошёл.

— Я услышала, что ты тоже боишься, Дорн, — прошептала я так тихо, что слышал только он. — Боишься, что я не сломаюсь.

Максим отпустил меня, словно обжегшись. Он больше не улыбался. Я потеряла подбородок: останутся следы. Но теперь и у него было что прятать — тот короткий испуг, прежде чем он отпустил меня.

Каморка прислуги пахла плесенью и дешевым мылом. Здесь не было окон, только вентиляционная решетка, через которую сочился серый свет коридора.

На койке простыня собралась подо мной комком. Я расправила её левой рукой, правую держала ладонью вверх. Сдула с ожога прилипшую нитку. Теперь, без их голосов, стало ясно, как сильно меня трясёт: край матраса дрожал под коленями. Хотелось чаю. И чтобы никто не говорил хотя бы пять минут.

Я достала из кармана фартука обе половинки артефакта Артёма. Чёрный камень раскололся пополам. Трещина была глубокой, разрушающей структуру. Глушилка мертва. Теперь чужая ложь снова лезла в голову без защиты. Любое заклинание контроля могло вызвать такой же срыв. Нужно было найти Артёма — и понять, можно ли починить камень.

Настя посмотрела на Лизу сразу после того, как ткнула меня в руку. Убедилась, что ей разрешают. Это я запомню. Раньше мне казалось, они все одинаково хотят сделать больно, а оказалось — некоторые ещё и выпрашивают право на это.

Я легла и подложила под больную кисть край фартука, чтобы не задеть её во сне. Стоило закрыть глаза — передо мной снова были Дорн и его пальцы. Но теперь я вспоминала также момент, когда он убрал руку. Я даже мысленно повторила ему свой ответ. Без дрожи, как хотела сказать с самого начала.

Дорн спросил, что я услышала. Значит, не знал. Пусть гадает. Завтра нужно было успеть найти Артёма раньше, чем староста придумает новую проверку.

Я повернулась лицом к стене, чтобы никто не увидел моих глаз. Завтра начнется вторая смена. И завтра я найду способ сделать так, чтобы этот ад начал гореть изнутри.

Глава 3

Подземный уровень библиотеки пах плесенью и старым пергаментом — от сырости хотелось чихнуть, и я прижала рукав к носу. Я прижалась спиной к холодной каменной стене, чувствуя, как ледяные капли с потолка стекают за шиворот, по позвоночнику. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его удары слышны на весь архив. Я выждала два удара, прислушалась к коридору. Тихо. Если сейчас отступлю, второго такого промежутка между обходами может не быть.

За две недели уборки я выучила смены библиотечной охраны. Сегодня между обходами было всего семь минут. «Тихий голос» мешал сосредоточиться: без глушилки он цеплялся за каждую защитную иллюзию. Раньше мой студенческий пропуск открывал хотя бы первый коридор. Теперь на двери висело «Забытые фолианты. Служебному персоналу вход запрещён». Я потянула рукав поверх бейджа и посмотрела на красный замок. Нести сюда ведро было бессмысленно: отговорку про уборку уже предусмотрели.

Сигнализация начала гудеть низко, вибрируя в зубах. Красные глаза магических замков на двери вспыхнули, сканируя мою личность. Если они распознают во мне обманщика, если почувствуют мой дар сквозь маскировку, — конец. Депортация. Или хуже.

Зажмурившись, я спрятала дар так глубоко, как только умела. Здесь нельзя было отвечать каждой лжи — замки тут же фиксировали всплеск. Пришлось считать капли, падающие за ворот, думать о мокром камне, о чём угодно, кроме того, что было за дверью. В висках защемило, зато сигнал стих. Я отступила в боковой коридор, пока проверка не началась заново.

— Ты хочешь умереть красиво? — раздался холодный голос из тени.

Артём отлепился от колонны. До этого я принимала его плащ за тень; теперь увидела, как он сжимает пряжку на поясе. Он посмотрел на дверь, которую я едва не разбудила, потом на мои мокрые волосы. Сейчас начнёт ругать. Только бы не стал кричать: я бы сорвалась первой.

— Мне нужно знать правду, Артём, — выдохнула я, потирая виски. Голова все еще гудела от блокировки магии. — Если я молчу, они убьют меня медленнее. Медленно, по капле, превращая в рабыню. Дай мне шанс услышать правду.

Он покачал головой и придержал меня за рукав, когда я хотела вернуться к двери. — Твой дар без глушилки — это шум. Ты кричишь ложью всего города, Кира. Каждый шаг здесь может стать последним. Я не дам тебе новый артефакт. Это будет означать твою смерть раньше срока.

Я выдернула рукав. Уже собиралась уйти одна, но остановилась. Если он считает меня безнадёжной душой, пусть сначала посмотрит, чему я научилась. — Тогда посмотри.

Вытянув руку, я вспомнила тетрадный лист, на котором когда-то не сходилась контур. Его я мяла и расправляла столько раз, что могла воспроизвести каждую складку. Над пальцами появилась бумага. Я сделала её ровной, удержала секунду, ещё одну. На третьей иллюзия осыпалась серой пылью.

Артём отпустил пряжку и посмотрел на пустую ладонь.

— Без глушилки? — Без.

Очень хотелось поторопить его. Ну, скажи уже что-нибудь.

— Учишься быстро, — сказал он наконец, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на уважение. — Иди. Но помни: если ты сорвешься, я не смогу тебя вытащить.

Я повторила короткое плетение, удерживая дар под ним. Замок щёлкнул, и я нырнула в архив. Ряды стеллажей уходили в темноту, за пределы света настенного фонаря. Мне нужен был журнал дежурств за прошлый семестр. Тот самый, где фиксировались экзаменационные заклинания. Я шла между полками, скользя пальцами по корешкам книг, и вдруг остановилась.

Открытый журнал лежал на низком столике, словно его оставили специально для меня. Я проверила номер страницы. Рядом со схемой стояло имя Максима, выведенное деканским почерком. Из всех строк именно эта отдавала скрежетом в висках. Прикрыла её ладонью — боль стала тише. Убрала ладонь — снова. Имя настоящее, почерк настоящий. А работа под ним чужая.

Носовое кровотечение ударило неожиданно, хлестко. Теплая жидкость потекла по верхней губе, капая прямо на страницу. Капля попала на номер записи. Я закрыла нос рукавом, но следующая уже расплывалась по дате.

— Даже кровь у тебя дешевая, Ветрова.

Я вздрогнула, обернувшись. Лиза Крон стояла в проходе, заложив руки за спину. Ее дорогое платье не касалось пола, она парила в воздухе на своих магических платформах. Она рассматривала мой испачканный рукав. Лицо с тех пор, как мы виделись в гостиной, даже не изменилось: та же складка возле носа, как от неприятного запаха.

Лиза подняла подол ещё выше. На край её платформы попала бы капля, если бы она подошла ближе. Мне захотелось испачкать эту белую кромку намеренно; пришлось прижать нос крепче. Пусть лучше беспокоится о туфлях, пока я стою над нужной записью.

Лиза смотрела только на пятна. Пока я возилась с кровью, ей даже в голову не приходило спросить, что я прочла. Я опустила голову ниже — пусть видит неловкую уборщицу.

— Простите, госпожа Крон, — пробормотала я, опуская голову. Я схватила край своего плаща и принялась тереть страницу, стирая кровь вместе с чернилами, имитируя неловкость уборщицы, которая случайно запачкала ценный документ. — Я споткнулась... упала... простите.

Лиза наблюдала за этим спектаклем с отвращением. Она даже не наклонилась посмотреть, какую запись я испортила. Её интересовало только, кто теперь вытрет кровь. Можно было почти расслабиться: проверять страницы Крон не собиралась.

— Убери этот мусор, — процедила она, развернувшись. — И постарайся не пачкать полы кровью в следующий раз. Это дурной тон.

Она ушла, оставив после себя аромат тяжелых духов и тишину. Я выдохнула, чувствуя, как ноги становятся ватными. В запачканных пальцах отдавался пульс. Чернила расплылись, но я уже запомнила номер экзаменационного свитка, приписанного Максиму. Его и стоило искать.

Я метнулась к дальнему стеллажу, где хранились оригиналы экзаменационных свитков. Тот самый свиток с заклинанием, которое мне инкриминировали. Он висел в витрине, защищенный сложным ментальным замком. Стоило мне протянуть руку, как стены архива растворились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.